

**РАННЯЯ РУССКАЯ ВОЕННАЯ
МЕМУАРИСТИКА**

Мемуарные произведения, как известно, представляют собой важные документы для исследователей того или иного исторического периода. Здесь не имеет смысла останавливаться на спорах о том, объектом изучения кого они являются — историков, литературоведов, архивистов, психологов или биографов. Еще меньше смысла говорить и о преимуществе того или иного метода их исследования, начиная с известного позитивистского треугольника Шёрера, герменевтической или психоаналитической моделей и кончая деконструктивистскими манипуляциями с самим жанром. Возможностей имеется более чем достаточно. Путей — сколько угодно, хотя, как шутливо отмечают некоторые современные теоретики, все без исключения они завершаются тупиком. С чисто практической точки зрения, картина выглядит совершенно иным образом и вполне далека от глубокомысленных размышлений о статусе слова и роли пишущих мемуары авторов. Следует, однако, напомнить читателю, что именно мемуары со всеми интерпретациями поднимаемых литературоведами и теоретиками проблем и составляют центральное место наших представлений об истории (например, Апрельском восстании в Болгарии против турок в 1876 г.) и наших размышлений о народной психологии «болгарского рода». Мы имеем в виду «Записки о болгарских восстаниях» Захария Стоянова и их многочисленные прочтения в сопоставлении с болгарскими художественными, документальными и публицистическими текстами. Итак, мы готовы ввести в научный оборот немалый

корпус текстов, которые могут оказаться основополагающими при формировании наших представлений о затрагиваемых событиях или их восприятии.

Военные мемуары, о которых идет речь, затрагивают русско-турецкие войны с самого начала их ведения и до 1830 г. Разумеется, нас будут интересовать только те из них, которые велись в болгарских пределах — на исторической и этнической территории, намного превосходящей современную территорию Болгарии. Начальная дата не вызывает каких-либо сомнений или вопросов, в то время как конечная требует пояснений. Что послужило нам основанием поставить своеобразную хронологическую точку, взяв для этого русско-турецкую войну 1828–1829 гг. и Гюльханский хатишериф, принесшие болгарам сомнительные политические приобретения? Постраюсь обосновать свою позицию рядом аргументов. Во-первых, упомянутая война была особой и по способу ее ведения, и по целям, которые преследовали русские политические и военные круги. Огромное значение имели возникшие в ее ходе взаимоотношения между принявшими в ней участие болгарами и военнослужащими российской армии, среди которых находились не только этнические русские. Если вкратце охарактеризовать итог этой войны,¹ то это огромное разочарование болгарского народа, надеявшегося, что она принесет ему, если не освобождение, то хоть какую-то автономию. Массовое участие болгар непосредственно в боевых действиях против турок во время войны или разнообразное содействие русским войскам при передвижении их по болгарским землям привело к трагическим последствиям. Несколько сот тысяч болгар вынуждены были покинуть свои родные места, переселиться в Российскую империю и осесть в Бессарабии, Таврии и Молдавии. Наиболее ярко надежды и разочарование болгар в этой связи отобразил писатель и публицист Г.С. Раковский в своих произведениях «Восхва-

¹ О том, как эта война воспринималась в сознании русских войск, достаточно красноречиво говорит название следующей книги: Спасаемая Греция, или Картина военных действий Россиян против Турок в 1827 и в 1828 годах. Ч. 1 и 2. СПб., 1829.

ла Николаю I» (1859) и «Переселение в Россию, или русская убийственная политика в отношении болгар» (1861), которые были изданы в виде брошюры, не войдя впоследствии в 4-томное собрание сочинений писателя. Она отражала позицию Г.С. Раковского в отношении российских правящих кругов, в том числе и недавно разразившейся Крымской войны 1853–1856 гг., причем писатель обозначил свою позицию в непримиримой и категоричной форме. Поэтому быстрота, с которой отозвались на брошюру официальные российские эмиссары, была отнюдь не случайной. О данном инциденте подробно сообщал в своих документах В. Трайков². Написание этой брошюры не было единственной формой противодействия Г.С. Раковского «губительной» российской политике. В статье «Сумасшедшая идея переселения в Россию»³, автор предсказывал, что случится с теми болгарскими, кто поддастся русской пропаганде: «Переселяясь из тех пределов, в которых вы родились и выросли, и сменяя воздух и воду, которые вы помните, на другие, по дороге к новому месту обитания вы уменьшитесь по численности наполовину! А придя в их мерзкие пустыни, пока привыкнете к их тяжелому воздуху и их горькой воде, Бог знает, сколько вас останется в живых! Сначала вы закопаете своих милых и прекрасных деток, а потом вы, старые негодяи, будете плакать дни и ночи напролет, и вас самих преждевременно закопают в землю одного за другим». Газета Г.С. Раковского «Дунавский лебед» опубликовала заметки, в которых сделала общественным достоянием всего болгарского народа «плачевное положение болгар-переселенцев»⁴. Хорошо известно, что Г.С. Раковский посылал своих людей с целью убеждать болгар отказаться от переселения⁵.

² См.: Документи на Г.С. Раковски в български и руски архиви // Сб. «Раковски. Възгледи...» Т. 2. София, 1968. С. 38. *Трайков В.* Георги Стойков Раковски. Биография. София: Изд. БАН, 1974. С. 198.

³ См.: Дунавский лебед, № 53. 3 октября 1861 г.

⁴ *Трайков В.* Георги Стойков Раковски. Биография. София, 1974. С. 198.

⁵ Там же. С. 200.

В декабре 1861 г. Раковский пытался довести до представителей русских властей болгарскую точку зрения на переселение болгар и задумал написать обращение к российскому министру иностранных дел, князю Горчакову, в котором подчеркивал ошибочность затеи переселения для самой России, поскольку возвратившиеся на родину болгары рассказывают «с кровавыми слезами на глазах, что голодали, страдали от жажды, без крыши над головой, да еще оказывались и поруганными». Он задавал вопрос, «не станут ли эти свидетельства оружием в руках западных [сил] и турок против русской защиты православия на Туретчине» и подчеркивал трудность опровержения подобной антирусской пропаганды, если она появится⁶.

Помимо Г.С. Раковского, много негативных моментов русско-турецких войн отмечал и известный болгарский возрожденец второй половины XVIII — первой половины XIX в. Неофит Бозвели, чья активная общественная, просветительская и политическая деятельность пришлась на рассматриваемый нами период. Последняя русско-турецкая война, свидетелем которой он был, происходила в 1828–1829 гг. В своем меморандуме турецкому султану о церковных реформах, с которого началась последовательная борьба за болгарскую церковную независимость, он недвусмысленно сформулировал три составляющих болгарского видения тогдашней актуальной политической ситуации: а) греческая и русская политика всегда направлены против болгар; б) русско-турецкие войны принесли болгарскому народу только страдания; в) конкретным результатом этих войн были массовые переселения болгар в Россию, выгодные только последней⁷. Сам Бозвели оказался одной из жертв этой «русской губительной политики», поскольку действовал в интересах болгарского народа, а это не отвечало интересам политики России на Балканах. Он был заточен в тюрьму, а затем, видимо, подвергся физическому ус-

⁶ Там же. С. 206.

⁷ *Смоховска-Петрова В.* Неофит Бозвели и българския църковен въпрос (Нови данни из архива на А. Чарториски). София, 1964.

транению по распоряжению греческой Вселенского патриархата, заручившегося тайно поддержкой российского посланника в Константинополе В.П. Титова⁸. Деятельность Неофита Бозвели является одной из важнейших вех нового периода национально-освободительной борьбы болгар, начиная с Гюльханского хатишерифа, после которого развернулась яростная церковная борьба, вовлекшая в себя всё болгарское общество и ставшая основой для появления новых по форме гражданских акций. Сплочение в ней болгарских народных сил оказало большое воздействие на официальные круги России и сыграло значительную роль в изменении российского общественного мнения.

В качестве следующего аргумента в пользу того, что война 1828–1829 гг. действительно стала границей между историческими периодами болгарской и русской истории, кратко охарактеризую начавшийся в 30-е гг. XIX в. процесс изменения «формата» восприятия болгар русскими людьми. Именно тогда зарождается всё более увеличивающийся в России интерес к историческому прошлому, фольклору, языку болгарского народа, а затем и к древней болгарской церковно-религиозной литературе. Огромный вклад в этот процесс внесли конкретные исторические личности: такие российские ученые, культурные деятели и политики, как В.И. Григорович, Ю.И. Венелин⁹, К.Ф. Калайдович¹⁰, и такие зарубежные, как Вук Караджич, Б. Копитар, Франц Миклошич. В 40-е гг. XIX в. усиливается начатое Н. Бозвели движение болгар за церковную

⁸ Там же. С. 163.

⁹ В 1829 г. в Москве вышел первый том его эпохальной книги «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания Юрия Венелина», которая взбудоражила российскую научную общественность, чего автор и добивался.

¹⁰ Его вышедший в 1824 г. в Москве труд «Иоанн Ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы в IX и X столетиях», сыграло существенную роль в усилении научного интереса к болгарскому литературному и культурному наследству в Европе.

независимость¹¹. Именно тогда впервые было произнесено и начало фигурировать в официальных документах выражение «булгар миллети» («болгарский народ») вместо существовавшего в предшествующие четыре столетия понятия «урум миллети», т.е. «ромейский греческий народ». После Крымской войны 1853–1856 гг. турецкий султан Абдул Меджид был вынужден издать Хатихамаюн — очередной документ, провозглашавший равенство народов в Османской империи. В отличие от предшествующих указов он позволял болгарам предъявлять властям экономические, политические и духовные требования. Благодаря ему в квартале Балкапан в Стамбуле была построена болгарская церковь, которая превратилась в духовный центр обосновавшихся в турецкой столице 50 000 болгарских ремесленников, торговцев и возчиков. В России развернули свою деятельность Славянские комитеты с целью оказания различного рода помощи южным славянам.

Указанные политические и культурные тенденции изменили прежнюю картину коренным образом. Всё это в конечном итоге вылилось в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., при объявлении которой в манифесте российского императора особо подчеркивалось, что её целью является освобождение балканских христиан от турецкого ига. Неслучайным поэтому был и тот интерес, который проявили к этой войне тогдашние российские ученые, журналисты, писатели и политики. Созданная ими литература об этих исторических событиях является огромной. Большую популярность среди читателей получили мемуары В.И. Немировича-Данченко, генерала М.Д. Скобелева, графа Игнатьева, князя Дондукова-

¹¹ Здесь лишь мимоходом выражу свое категорическое несогласие с позицией И.Ф. Макаровой, которая относит начало церковной борьбы болгар к 1860-м гг. (см. ее статью «Еще раз об истоках болгарского церковного вопроса» // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность — новые факторы консолидации*. М., 2008, С. 146–172). В сущности, она недобросовестно пересказывает работу С. Марковой о Болгарском екзархате: см.: *Маркова З. Българското църковно национално движение до Кримската война*. София: Изд. БАН, 1976, С. 19–20). З. Маркова относит начало этой борьбы к 1820 г., увязывая его с так называемым Врачанским происшествием.

Корсакова и др. В отличие от этого периода, предшествующий период до Крымской войны 1853–1856 гг. известен сравнительно меньше и продолжает оставаться вне поля зрения исследователей, хотя о нем существует немалая русская мемуарная литература. Этот период и характерные для него процессы — политические тенденции, позиции военного руководства и правящих российских кругов характеризовались наличием разнообразных мнений. Единственно явным со стороны высшего эшелона власти был (правда, весьма ограниченный) интерес к исторической судьбе двух болгарских держав: «задунайской» и «Волжско-Камской» (т.е. Казанского царства). Он проявлялся с целью установления, будет ли их население союзным России в случае войны с турками, или же его следует нейтрализовать. Факт восприятия «булгар» в России как давнишних недругов осознавался российскими властями давно. Предстояло ответить на вопрос: а кто они такие на самом деле, эти «булгары»? В русской исторической науке и публицистике уменьшается случаи научного издания болгарских рукописей и исторических фактов, связанных с болгарями — они возникают в результате энтузиазма отдельных российских ученых главным образом по инерции, не будучи связанными с российской общенаучной и политической стратегией. Судьба болгарского народа, его целостность, его история как таковая, его культура, этнография, фольклор и язык почти не вызывают в России какого-либо интереса. Отношение к этим проблемам колеблется от безразличия до недоверия и неприязни.

Более чем показателен тот факт, что даже *положительно настроенные* по отношению к болгарскому народу российские ученые оперируют в своих рассуждениях крайними заблуждениями. Не кто иной, как сам «возродитель болгарского рода», Ю.И. Венелин в письме к болгарскому просветителю В. Априлову, писал следующее: «Наши разговоры были очень полезными, ибо я выучил болгарский язык, а они [мои собеседники] — русский. И это не составило мне особого труда, потому что *болгарский язык представляет собой от-*

ветвление *русского*» (выделено мной — *К.М.*)¹². А, как известно, Ю.И. Венелин составил болгарскую грамматику, которая, правда, долго оставалась в рукописи и была издана лишь в XX в. Что касается отрицательного отношения к болгарам в русском обществе со стороны *предубежденных людей*, то здесь красноречивой является другая выдержка из того же венелинского письма В. Априлову¹³: «Вы читали первый том труда Карамзина, в котором болгары были объявлены татарами. У Карамзина, как и во всей Европе, о вас не было ни малейшего представления. Но Карамзин писал, опираясь на выводы Тунмана (шведа), который также знал о вас столько же, сколько я знаю о жителях Луны. Карамзину поверила вся Россия, и эта вера окрепла еще из-за того обстоятельства, что Болгария является областью владений турок, которые тоже есть татарское племя»¹⁴.

В данном случае важен тот момент, что мнение, «изобличающее» болгар, является мнением европейского ученого Тунмана. Высказанное авторитетным ученым, оно было воспринято и в России. Попутно отмечу еще одну важную особенность русской народной психологии: русские во всем доверяют западным авторитетам, мнениям и производствам — они отыскивают их и воспроизводят как «свои собственные». Этого не происходит единственно в том случае, когда речь заходит о самих русских и самой России — здесь они категорически отвергают все чужие оценки и наблюдения, воспринимают их болезненно, всегда делая упор на свою исключительную самобытность. Но так или иначе это научное мнение о болгарях начинает распространяться именно в России и благодаря ей.

Продолжение письма Ю.И. Венелина еще более интересно, тем более что оно основано на восприятии болгар русскими офицерами, участвовавшими в русско-турецких войнах, в том

¹² См. его письмо от 27 сентября 1837 г. (Българска възрожденска литература. От Паисий Хилендарски до Добри Войников. София: Български писател, 1972. С. 80).

¹³ Там же. С. 83.

¹⁴ Там же. С. 84.

числе и в войне 1828–1829 гг. Несмотря на обширность цитаты, я счел нужным привести ее целиком в силу исключительной важности этого фрагмента для нашей работы: «Но вы скажете, что русская армия много раз бывала в Болгарии и много раз русские могли познакомиться с болгарами. На это я вам дам следующий ответ:

I. Русская армия никогда не видела болгар, потому что была в тех местах (Русе, Силистра), где наши войска встречали единственно турок и валахов [выражу здесь свое изумление! — *К.М.*].

II. Предположим, что русские офицеры имели дело с настоящими болгарами. Но они, как люди военные и неопытные в этнографии, представляли, что болгарин, говоривший им на болгарском, говорил не на болгарском, а на русском (потому что болгарские и русские слова одни и те же), но говорил на плохом русском языке! Мне случилось слышать отзывы: «Какие дьяволы эти болгарские татары! Поживешь на квартире у них два-три дня, и они внезапно начинают говорить по-русски (т.е. на болгарском, но они думают, что это русские слова). Удивительная у них способность так быстро болтать на русском»¹⁵.

Едва ли следует здесь всецело доверять Ю.И. Венелину. Из проанализированных нами мемуаров видно, что большинство офицеров прекрасно чувствовали разницу между татарами, турками и болгарами. Так или иначе, однако, не следует пренебрегать выводом Ю.И. Венелина, который касается массового русского сознания и указывает на источники формирования негативного отношения к болгарскому населению. И неплохо бы было знать, что важное место в этом «массовом сознании» занимала антиболгарская позиция, распространенная среди определенных русских кругов. Ее пытались изменить некоторые представители русской интеллигенции, такие как М. Соловьев в журнале «Москвитянин». Но и она формировала отрицательный образ болгарского народа как недостойного племени с неразвитой цивилизацией. Важно установить, когда и в какой степени это отрицательное пред-

¹⁵ Там же. С. 84.

ставление изменило свой знак по причине романтического славянского милосердия. Становится ли более приемлемым образ болгарского народа, если отсутствие в нем достоинства и достаточной степени цивилизованности будет отнесено на счет османской тирании и иноземного угнетения?

Защита болгар, предпринятая рядом российских писателей, публицистов и членами Славянского комитета, не смогла поднять их в глазах русского общества до уровня остальных славян. Она заключалась не в поиске и демонстрации положительных черт «братского многострадального племени», а в привлечении общественного внимания к его «злочастной судьбе». Вот, впрочем, безапелляционное мнение одного «передового русского-европейца», высказывавшегося о болгарской истории и болгарском генотипе: «То, что затрагивает других славян, не русских, то мы, разумеется, их любим как людей в той мере, в какой они и в самом деле являются людьми; но не можем испытывать к ним особенные чувства, тем более что они даже не представляют собой ни нацию, ни государство, но являются собственностью турок и немцев... Если турки владеют большинством славянских племен, то это происходит потому, что Турция является государством — каким бы оно ни было, но государством, а какие-то там болгары — полудиким племенем. Сила — это право, а право — сила. Таков закон исторического развития, и если какой-то народ или племя, утрачивают свободу, значит зерно их субстанции является настолько прогнившим и ущербным, что оно не способно своими собственными силами развиться до государственной формы и до самостоятельного значения»¹⁶.

Согласен, что исследовать такие положения с позиций заведомого русско-болгарского братства было бы просто шокирующим. Поэтому останавливаться на них практически просто не целесообразно, поскольку углубление в них приведет к непредсказуемым последствиям. Тем более что задача добросовестного ученого состоит в изображении событий такими, какими они были в действительности, а облик общественных деятелей должен быть обрисован таким, каким он являлся

¹⁶ См.: Отечественные записки, 1841. № 10.

в реальности. Что же касается идей, то писать о них, на наш взгляд, следует, не допуская малейшего их искажения.

Историю нельзя переписать или выдумать заново, хотя попытки в этом отношении предпринимаются. Ее, как утверждают еще с древних времен, обычно просто проглатывают, а способный извлечь из нее уроки (так полагали в XVIII в.) их извлекает. Вмешательство в нее людей при воспроизведении образов прошлого значимо настолько, насколько в данном случае речь заходит не только об истории. Как в массовом, так и в индивидуальном сознании на основе исторического познания действуют утвердившиеся представления, смысловые поля ключевых слов и выражений, системы знаков и символов. А за всеми ними каждый видит нравственные обобщения, духовные прозрения и провидческие построения. Вот почему заполнение существующих «белых пятен» имеет особую важность для духовной жизни любой нации.

Знание, как утверждали деятели нашего Национального возрождения, несет свободу как отдельной личности, так и целым народам. Вот почему вряд ли можно привести формулировку более сильную и гениальную, чем следующая фраза Христо Ботева: «Свобода дорогá, истина — свята!» Каков объем материалов, предлагаемых в статье к рассмотрению? В одном из ценных исторических справочников¹⁷ в отношении указанного периода перечислено несколько сот сочинений, касающихся различных русско-турецких войн. Из него мы извлекли 29 наименований источников, затрагивающих тот исторический интервал, о котором упоминалось в начале статьи, и освещающих тогдашние русские военные кампании на Балканах. К ним были добавлены воспоминания отдельных участников русских походов на Балканы до окончания Крымской войны 1853–1856 гг., поскольку в них наблюдается ряд инерционных представлений русских людей в предшествующий период или же они важны для сравнения и сопоставления.

Разумеется, не во всех из них говорится о болгарских землях и болгарях. Даже более того: авторы многих воспо-

¹⁷ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 2. Ч. 1. М.: Книга, 1977. С. 137–324.

минаний упоминают о них вскользь — для них эти земли представляют прежде всего географические пространства и топографические данные — увиденные собственными глазами или нанесенные на карты. О людях же, как правило, совсем не упоминается. Иными словами, населенные пункты, горы, реки, поля лишены этнической окраски — это просто места, через которые продвигаются русские войска. В подобных случаях я на останавливался на таких воспоминаниях и их авторах, ограничиваясь отнесением их к соответствующему типу «образности». Кроме того, существуют также сочинения, в которых географические реалии воспринимаются как «болгарские», но расцениваются с чисто военной точки зрения как «удобные» или «неудобные», как «господствующая» или «невыгодная» позиция, просто как укрепленный район или пространство, подходящее для развертывания войск, дороги хорошие или плохие и т.д. В таких случаях я отмечаю то, что явствует из этих сочинений — отсутствие интереса к народу, на территории которого ведутся военные действия. Болгария, болгары и «болгарскость» в таких пассажах сведены к фиксации наличия или отсутствия удобства или неудобства для ведения военных действий в данном районе — чисто профессиональный военный взгляд с присущей ему хладнокровной циничностью. Образ, угадывающийся за изображаемым, может быть охарактеризован как образ однопланового профессионально-направленного интереса. Ясно, что самое большое внимание в моих будущих исследованиях будет уделено тем мемуарам, авторы которых начинают «замечать» местное население, сознавая, что оно представляет собой отдельный народ со своими особенностями одежды и внешнего облика, особым образом воспринимающего русские войска и имеющего поведение, диктуемое собственной логикой. Местами можно натолкнуться на описание болгарского градоустройства, быта и нравов. Все эти информационные пласты послужили основой для классификации типа образов, воссозданных в русском мемуарном слове. Особо следует отметить воспоминания русских военных врачей — их взгляд отличается большой наблюдательностью при

характеристике быта, различных заболеваний, людских потерь, солдатского питания — и посредством всего этого читатель начинает постигать образы болгарской земли, природы и иногда — болгарских крестьян, которые являлись помощниками и снабженцами русских войск. Вообще полевые лазареты и госпитали дают очень интересное представление о лице войны — часто абсолютно неизвестном ни для читателей, ни для историков.

Не стоит излишне напоминать, что первый смысловой план, который возникает при чтении военных мемуаров, формируется посредством тематики, сюжетов и мотивов. Тематическое исследование таким образом обуславливает необходимость введения прежде всего определенного информационного пласта фактов и реалий. Его осмысление неизменно перетекает в сопоставление фактов и реалий, затрагивающих другие события и других действующих лиц. Это, в свою очередь, задает метод исследованию, для полноценного приложения которого следует использовать приемы информационного пересечения, комментирования и идентификации используемых статусов информантов. Типы нарративов составляют второй смысловой пласт, который наряду с первым играет вспомогательную роль для прояснения вопроса о способах конструирования образов Болгарии, болгар и «болгарскости». Важное значение имеет и раскрытие глубинных смыслов, вложенных авторами в анализируемые образы.

Перевод с болгарского *И.И. Калиганова*

ПРИЛОЖЕНИЕ

[Аноним]. Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 года // Журнал для чтения воспитанникам военно учебных заведений. 1845 Т. 52. № 206.

Батянов И.В. Пребывание императора Николая Павловича на Черноморском флоте в 1828 году // Московский сборник. М., 1869. Т. 103. № 8.

Бутурлин Д.П. Картина воин России съ Турциею в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1829. Ч. II.

Вревский П.А. Крушение транспорта «Змея» // Морской сборник. 1854, Т. II. № 3.

Веригин А.И. Воспоминания об осаде Варны по пребывании там императора Николая I // Русская старина, 1879. Ч. 24. № 3.

Генрици А.А. Воспоминания. На Дунае. 1853–1854 // Русская старина, 1870. Т. XX.

Глебов П.Н. Воспоминания. Письмо первое (1828) // Сын Отечества и Северный Архив СПб., 1834. Ч. 168. Т. 46. № 52; Воспоминания. Письмо второе (1828) // Сын Отечества и Северный Архив. СПб., 1835. Ч. 170. Т. 48. № 10.

Глебов П.Н. Воспоминания армейского офицера // Отечественные записки. 1839. Т. 4, № 7. Отд. 3.

Глебов П.Н. Осада Силистрии в 1829 году. (Из воспоминаний армейского офицера) // Отечественные записки. 1842. Т. 23. № 7.

Глебов П.Н. Осада Варны в 1828-м году. Из воспоминаний армейского офицера // Отечественные записки. 1843. Т. 29. №№ 7–8.

Голицын Н.С. Записки князя Николая Сергеевича Голицына // Русская старина. 1881. № IX.

Должников П. Отрывок из походного Дневника Егерьского офицера // Отечественные записки [СПб.], 1830. Ч. 41. № 117.

Еропкин В. Мои воспоминания о Турецкой кампании 1828 года // Русский архив. 1877. Кн. 3. №№ 9–12.

Забелин И.Е. Посольския путешествія в Турцію в XVII столетии // Русская старина. 1870. Т. XX.

Зейдлиц К.К. Воспоминания доктора Зейдлица о Турецком походе 1829 года. В письмах к друзьям // Русский архив. 1878. Кн. 1. № 4.

Красовский А.И. Из записок генерала-адъютанта Красовского // Русский вестник 1880. Т. 148. № 8.

Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина, 1907. Т. 130, № 5–6; Т. 131. № 7–9; Т. 132, № 10–11; 1908 — т. 133, № 2–3; т. 134, № 4, № 6; т. 135, № 7–9; т. 136, № 10–11; 1909 — т. 138, № 6, т. 139, № 7–9, т. 144, № 10; 1911 — т. 146, № 7–8.

Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса А.И. о Турецкой войне в царствование Александра Павловича. 1806–1812 // Русский архив. 1892. Т. 31. Кн. 2. № 7–8.

Полевой Н. Турецкая война в царствование императрицы Анны Иоановны // Журнал для чтения воспитанникам военно учебных заведений 1845. Т. 52. Кн. 207.

Поливанов И.Г. Из записок Ивана Гавриловича Поливанова // Русский архив. 1877. Кн. 3. № 9. (Эпизоды из турецкой войны 1828 года) // Современник, 1854. Т. 46. № 8. Отд. 5.

Пуцыло П.Л. Воспоминания кавалерийского офицера. [Б.г. у автора статьи — И.К.].

Рогозина Е.А. Из дневника русской в Турции перед войной 1877–1878 гг. // Русская старина. 1910. Т. 133. № 7.

Розелион-Социальский А. Записки русского офицера бывшего в плену у турок в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1858. Т. 3. № 5.

Симанский Л.А. Походные записки от 29 мая, т.е. от поступления полков бригады в действие против неприятеля в отряде г.-л. Мададова, г.-л. Ридигера и г.-м. Акинфиева // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1911. № 3.

Стефан Г.Ф. Два года в Турции (с июля 1828 по сент. 1830) // Инженерный журнал. 1878. № 1.

Торнау Ф.Ф. Воспоминания о кампании 1829 года в Европейской Турции // Русский вестник. 1867. Т. 69. №№ 5–6; Т. 70. №№ 7–8.

Тучков П. Главные черты моей жизни // Русская старина. 1881. № IX.

Шильдер Н.К. /составитель. Война России с Турцией в 1829 г. Исторический очерк // Русская старина. 1881. Т. 30.

Хлебников К.Д. Записки Константина Дмитриевича Хлебникова // Русский архив. 1907. № 3.

Энгельбах А.Ф. Воспоминания о действиях 1-й конно-егерской дивизии в турецкой кампании 1828 г. // Военный сборник. 1858. Т. 2. №№ 3–4.

РЕЗЮМЕ

РАННАТА РУСКА ВОЕННА МЕМОАРИСТИКА

Както е добре известно, мемоарните произведения представляват важен документ за изследователите на определен период. Няма смисъл да привеждам тук многобройните спорове относно това — чий предмет на изучаване са те: на историци, литературоведи, архивисти, психолози или биографи. Още по-малко е нужно да напомням претенциите на един или друг метод — от славния позитивистичен триъгълник на Шерер, през херменевтичния модел, неопсихоанализационния, та до деконструктивистичните операции с жанра. Въз-

можности — повече от необходимото, пътища — също, макар, както биха се пошегували някои съвременни теоретици: всички до един — без изход. От чисто практическа гледна точка, обаче, картината изглежда свършено по друг начин — и то далеч от мъдрословесните умувания за статуса на словото и ролите на пишещите мемоаристи. Струва си да напомня на читателя, че не друго, а една мемоарна книга, с всичките «обсъждания» на проблемите, които създава за литературните историци и теоретици, заема централно място както в историческите ни представи за Априлското въстание, така и в народо-психологическите ни размисли за «българския род». Става дума за «Записки по българските въстания» на Захари Стоянов и за нейните многобройни прочити, част от които в съпоставка с други художествени, документални и публицистични текстове. И така — готов съм да въведа един немалък корпус от произведения в научно обръщение, може пък да се окажат и те централни за определени представи и рецепции.